

РОССИЙСКАЯ РЕГИОНАЛИСТИКА

УДК 94(470.5)"17/1917"

ССЫЛЬНЫЕ ДЕКАБРИСТЫ И ПРОВИНЦИАЛЬНОЕ НАСЕЛЕНИЕ ЗАУРАЛЬЯ

М. Ф. Ершов

Обско-угорский институт прикладных исследований и разработок, 628011, Ханты-Мансийск, ул. Мира, д. 14А
mfershov@mail.ru

Рассматривается многолетнее пребывание декабристов в местах ссылки за Уралом. Анализируются их повседневное существование и система ценностей. Делается вывод о значительных интеллектуальных и культурных различиях декабристов и жителей Зауралья. Утверждается, что ранее в отечественной историографии были во многом преувеличены как страдания дворянских революционеров, так и степень их воздействия на развитие местной культуры.

Ключевые слова: декабрист, повседневность, провинция, политическая ссылка, чужак, культура, маргинал, город, Зауралье.

В научных работах о каторге и ссылке декабристов обычно преобладали скрытые псевдохристианские агиографические начала. Между тем первоначальное отношение большинства внестолычного населения к декабристам и иным политическим ссыльным было резко отрицательным. В качестве примера приведем отклики на 14 декабря, зафиксированные графом Д. Н. Толстым, жившим в Рязанской губернии. «Тогда оно произвело в общей массе провинциального населения потрясающее впечатление, – отмечает он в своих записках. – Все обвиняли заговорщиков: посягательства на ограничение царской власти и на ограничение образа правления казались нам не только святотатством, но и исторической аномалией, а народ, видя, что заговорщики исключительно принадлежали к высшему сословию, признал дворянство изменниками, и это прибавило еще одну резкую черту к той вражде, которую он питал уже к помещикам.

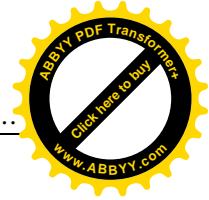
Передовые люди и столичная интеллигенция одни только сочувствовали несчастным безумцам, патриотическая затея которых, рожденная из подражания Западу и лишенная всякого знакомства с коренными условиями народной жизни и нашей истории, а потому чуждая практического применения, принесла столько жертв и надолго отдала возможность какой бы то ни было либеральной реформы в России» [Из записок..., 1885]. В примечаниях к запискам издатель Петр Бартевнев сделал небольшое, но важное дополнение: «В иных городах и селах приходилось везти ссыльных декабристов вскачь и опрометью, потому что в них кидали грязью, снегом и даже камнями, и это делалось нашим простонародьем, которое вообще славится милосердием к частным преступлениям» [Там же, с. 23–24].

Неудавшийся мятеж воспринимался провинциалами, да и не только ими, как крайне опасная для государства попытка знати перессорить членов царской семьи [Вигель, 2008, с. 526, 544]. Должно было пройти немало времени, прежде чем некоторые горожане, соприкоснувшись со ссыльными соседями, начали хотя бы частично менять свои оценки.

Сегодня в отечественной историографии уже предпринимаются попытки анализа декабристской мифологии, выявлены также ее культурные истоки. Однако до подлинного разрешения проблемы пока еще далеко [Васильева, 2008; Декабристы..., 2008].

Цель настоящей публикации заключается в анализе некоторых особенностей взаимоотношения ссыльных декабристов и местного городского провинциального населения на территории Зауралья. Под Зауральем понимается зона условного соприкосновения горнозаводского Урала, таёжной Сибири и казахских степей. В рамках административно-территориального деления того времени декабристы отбывали ссылку в ряде окружных городов Тобольской губернии.

Правительство стремилось не допустить опасной концентрации «государственных преступников» в одном месте. Например, в Кургане в 30-е–40-е гг. XIX в. была одна из самых больших колоний декабристов. Но максимальное число её членов никогда не превышало семи. И это при том,

что ссылные стремились, часто с помощью влиятельных родственников или знакомых, добиться перевода на юг Тобольской губернии с предпочтительными для здоровья природно-климатическими условиями.

Кем был декабрист, если рассмотреть его культурно-психологические параметры? Это человек широкой эрудиции и высокой европейской образованности, аристократ или вхожий во властные и аристократические круги. Как правило, блестящий военный. Странник решительных действий. Эти черты дополнялась чувством гражданственности, справедливости, абстрактным пониманием общественного долга и чувства, стремлением к идеалу. По сравнению с провинциальным окружением эти революционеры были романтиками, оторванными от повседневности и живущими в обстановке духовного праздника, что хорошо совмещалось с военными походами и парадами и пребыванием в столице. Стремление поэтизировать собственную и близкого окружения жизнь вело к усложнению норм этикета.

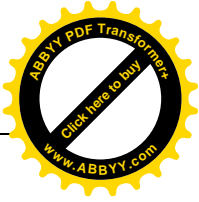
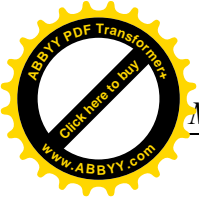
Сложная интеллектуальная символика была малопонятной для человека иной культурной среды. А кругозор провинциалов, больший, чем у сельского населения, в целом не тяготел к абстрактности. Закономерным следствием культурных противоречий было взаимное непонимание. Однако сословная и имущественная дифференциация жителей небольших городов сужала круг общения до размера небольшой компании хорошо знакомых, она же вызывала потребность поддерживать добрососедские отношения. Когда в декабре 1832 г. семейство Розенов купило в Кургане дом для проживания, ближайшие соседи прислали «хлеб-соль с изъявлениями лучших пожеланий» [Розен, 1984, с. 298].

Отказ же от реально существующих, но не всегда декларируемых норм превращался для индивида в расставание с обыденностью. В глазах окружающих он становился чудачком, человеком не от мира сего, грешником, мудрецом, святым или юродивым. Так, жители Ялуторовска принимали И. Д. Якушкина за колдуна и чернокнижника – ссылный много читал, собирал гербарий, был увлечен метеорологией и поставил во дворе ветромер. Местный городничий даже предупреждал ссылного, «что крестьяне и мещане винят его в отводе дождя и что по городу слухи носятся, будто они собираются убить его, приписывая сильную засуху ежедневному его колдовству на столбе» [Созонович, 1986, с. 265].

Разумеется, такие рудименты скрытого язычества у провинциалов были представлены неодинаково. Кто-то, излишне суеверный, верил в сверхъестественные свойства соседей, кто-то – нет. Но в том и другом случае к подобным личностям зарождался интерес или хотя бы любопытство. Этому способствовало желание выйти из обыденности и неутоленная жажда праздника. Ведь повседневность провинциального существования лишь изредка наполнялась скромными праздничными мероприятиями и развлечениями. К необычным людям тянулись и одновременно их опасались. Но при отсутствии угрозы все же доминировало стремление к контактам и бесконфликтным отношениям.

Выходец из иного мира мог быть полезен для провинциалов. Чужак нередко выступал перед горожанами в качестве положительного или отрицательного примера. Так, по преданию, А. Д. Меншиков в ссылке любил произносить проповеди для жителей Березова, сопровождая их примерами из собственной далеко не благочестивой жизни. Существование чужака позволяло местным жителям оценивать собственное существование. Наконец, он обладал недоступными для остальных возможностями и скрытыми знаниями. Поэтому в критической ситуации обращались именно к нему. Видимо, далеко не случайна врачебная практика ссылных декабристов, зафиксированная современниками [Ретунский, 1978]. Она удачно совмещала в себе европейское стремление к общему благу и христианские заповеди врачующих с полуязыческими надеждами пациентов. Достаточно распространены были среди декабристов благотворительность и интеллектуальная помощь местным жителям. В частности, в 1841 г. Пущин помогал готовиться туринскому учителю Сутормину к экзамену на звание учителя старших классов в Тобольске [Там же, с. 408–409].

Неудивительно, что отношение местного населения к декабристам со временем стало в основном корректным и даже внешне доброжелательным. Численно и территориально ограниченный мир провинциального города не предполагал ни чрезмерного эгоизма, ни каких-то особых ярко выраженных политических симпатий. Горожане поддерживали декабристов не только в силу личных интересов, но и соблюдая нормы христианской морали, сочувствуя осужденным вообще, считая их несчастными, жалея. Данная позиция не противоречила их стремлению к собственной выгоде. Судя

по источникам, местные жители не упускали при торговых сделках шансов обьегорить непрacticalных новоприбывших. «Покупая что-либо на базаре или где бы то ни было, декабристы вообще никогда не торговались», – замечает одна из воспитанниц декабристов [Балакишина, 1978, с. 250].

Однако о полном слиянии политических ссыльных с провинциальным социумом говорить не приходится. Декабристы всегда занимали в нем особое место, не снисходя до дружеских или, тем более, панибратских отношений. Н. В. Басаргин замечал в своих воспоминаниях: «По приезду Ивашевых мы стали жить в Туринске очень покойно. Жители скоро ознакомились с нами и полюбили нас. Чиновники обходились с нами вежливо, приветливо и даже с некоторым уважением. Не входя ни в какие городские сплетни, пересуды, не принимая участия в их служебных делах и отношениях, мы жили собственной жизнью, бывали иногда в их обществе, не отталкивали их от себя, но уклонялись от всякого с ними сближения» [Басаргин, 1989, с. 188].

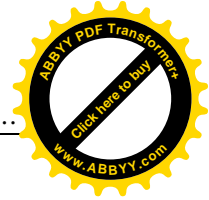
При утрате прежнего статуса образованный человек того времени не лишался своего культурного багажа и личных связей – родственных, дружеских, корпоративных. Несмотря на территориальную разобщенность, существовали возможности для переписки, передачи вещей и даже свиданий [Ретунский, 1983, с. 5–23]. Например, в 1838 г. несколько дней у декабриста В. П. Ивашева в Туринске нелегально гостили его родственники: Е. П. Языкова (сестра) и Г. М. Толстой. Поездка не была зафиксирована официальными властями [Толстой, 1890, с. 327–351]. Почти все декабристы, несмотря на потерю юридических прав, сохраняли связи с влиятельными родственниками и высшими должностными лицами. Очень развита была и взаимопомощь в их среде.

Для большинства горожан неформальный, а зачастую и имущественный статус государственных преступников находился на недосягаемой высоте. Достаточно сказать, что дом декабриста Нарышкина был лучшим в Кургане и его семейство, пользуясь помощью богатых родственников, жило здесь на широкую ногу. Не являясь полноценными членами провинциального социума, декабристы реально не были и изгоями. Их столкновения с администрацией часто оказывались небезопасными для чиновников [Тальская, 1975, с. 72–93]. Отношение же декабристов к той среде, в которую они были насильно помещены, отличалось сложностью и неоднозначностью. Местные реалии они воспринимали достаточно отчужденно. В одном из писем А. Ф. Бриген критически отзывался о Кургане: «у меня европейские вкусы, и я не переносу все азиатское или то, что походит на него» [Бриген, 1986, с. 150].

Соприкосновение с заурядной жизнью не могло не выявить элементов утопии в их преобразовательских планах. Оно же одновременно показало принципиальную верность их оценки неблагополучия России. Царизм не смог победить дворянского романтизма декабристов, так как и сам действовал в системе романтических норм (дихотомия: благородные юноши – кровожадный тиран или раскаявшиеся преступники – добрый монарх). Существенная роль в трансформации грешников отводилась членам царской семьи – носителям сакрального ореола. От них, и нередко не напрасно, ожидали благодеяний и символического воскрешения грешников к новой жизни.

Соответствовать заданному сценарию пытались как большинство ссыльных декабристов, так и наследник престола Александр Николаевич при посещении им Сибири. О поведении декабристов в Кургане он сообщал отцу следующее: они «ведут себя чрезвычайно тихо и точно чистосердечно раскаялись в своем преступлении, их раскаянию можно поверить. Мой Назимов заходил к своему однофамильцу и его дальнему родственнику, и, говорят, что он его совершенно растрогал своим раскаянием, он ему говорил, что если даже “государь нам простит, то мы всю жизнь сами себе не простим наше преступление, это пятно неизгладимо”. Я их всех почти видел в церкви, в особенности хвалят Нарышкина, он благодетель всего города, жена его почтенная женщина, написала мне письмо, которое я Тебе пересылаю, также, она просит после 10 лет разлуки повидаться с матерью, посоветоваться с докторами насчет своей болезни и потом опять воротиться к своему мужу» [Венчание с Россией, 1999]. Характерно, что к польским ссыльным у наследника было прохладное отношение: «Там же было и несколько поляков, которые, хотя ведут себя спокойно, но на них, мне кажется, понадеяться никак нельзя» [Там же, с. 61].

Сохранение романтических идеалов фактически явилось способом самосохранения декабристов, их ценностных ориентаций. Оно же закрывало путь для дальнейших качественных изменений, препятствовало установлению тесных контактов с окружающими. Мешало сближению и экстенсивное распространение европейской культуры, первоначально имевшей на местах уродливые очертания. Уездное чиновничество и купечество, заимствуя и варварски огрубляя европейские

стандарты, было живой пародией на декабристов, причем дух товарищества, присущий дворянским революционерам, оборачивался у администрации и торгово-промышленной верхушки круговой порукой торгашей и взяточников. Романтические идеалы, таким образом, опошлялись и разрушались. Естественно, что провинциальные нравы вызывали у декабристов реакцию отторжения.

А. Ф. Бриген был одним из немногих ссылных декабристов, состоявших на государственной службе. Он боролся со злоупотреблениями, видимо, понимая тщетность своих усилий: «там, где у городничего находят в конюшне ворованных лошадей (что случилось с бывшим городничим Соболевским), где письмоводитель полиции Логинов обозначается названием матки воров, где по ведомостям значится, что в 1849 году было 27 конокрадов, по коим следствием открыт один виноватый, где по общему отголоску жалоб обывателей, житья от воров нет и правосудие нигде не обретаётся, там всякое суждение делается излишним...» [Бриген, 1986, с. 267–271].

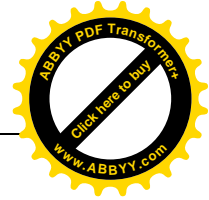
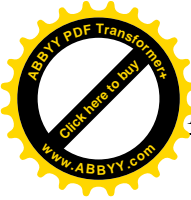
Разумеется, декабристы не находились в абсолютной духовной изоляции. И в провинции жили люди, достаточно тесно с ними связанные. Но это сближение не было полным. Оно не отменяло различий между местными и сосланными. Кроме того, одиночки, близкие к декабристам, оставались маргиналами по отношению к основной массе населения. Одним из таких маргиналов был Н. Я. Балакшин, управляющий миллионера Н. Ф. Мясникова. Пущин не жалел слов на похвалы в его адрес. Он замечал, что Балакшин «очень человек добрый и смысленный; приятно с ним потолковать и приятно видеть готовность его на всякую услугу; в полном смысле слова верный союзник, исполняет наши поручения, выписывает нам книги и журналы, которые иначе должны были с громкими прилагательными отправляться в Тобольск, прежде нежели к нам доходить. Все это он делает с каким-то радушием и приязнью» [Бриген, 1986, с. 196].

Неявное аристократическое превосходство Пущина в отношении Балакшина («смысленный», готовый «на всякую услугу») удивительным образом сочеталось с подобным же снисхождением со стороны предпринимателя Мясникова. «Сравнительно со своим богатством Мясников скудно вознаграждал труды Балакшина, хотя благоволил к нему и отзывался как о честнейшем человеке, которому вполне доверяет. Но, по своему умозрению, он считал глупостью не извлекать выгоды для своего кармана, когда попадется совестливый ротозей, не умеющий ни подольщаться к хозяину, ни выпрашивать награды в благоприятные для того минуты», – замечала А. П. Созонович [Созонович, 1986, с. 273].

Трагедия декабристов обуславливалась помимо широко известной ситуации социокультурным отстранением от населения и его нужд в местностях, куда их забросила ссылка, и неспособностью преодоления ранее сформированных стереотипов. Их страдания почти не были связаны с физической болью, значительными материальными лишениями или изошренными преследованиями со стороны государства. По мнению Н. В. Басаргина, правительство по отношению к ссылным декабристам занимало непоследовательную, даже в чем-то гуманную позицию. «С одной стороны, оно не хотело показаться к нам особенно жестоким, не имея на то никакой причины; с другой – ему не хотелось, чтобы мы приобрели какое-нибудь значение, не хотелось ослабить в общем мнении важность нашей вины против него и показать, что оно само предает ее забвению» [Басаргин, 1989, с. 189].

Однако такая казенная гуманность обернулась для ссылных унылой бесцельностью вполне обеспеченного существования. Их десятилетиями преследовала невыносимая тягучесть, почти неподвижность провинциального времени. В одном из писем И. И. Пущину Н. В. Басаргин меланхолично сетовал, что в Туринске «нередко забываются дни, да и немудрено: каждый из них так похож на другой, что не замечаешь, как проходят недели» [Житомирская, Мироненко, 1983, с. 169]. Забота о хлебе насущном редко трансформировалась у декабристов в производительный труд, предпринимательскую или чиновничью деятельность.

Большинство их так и не смогли разрешить проблему вынужденного безделья. Жесткие ограничения при поступлении на государственную службу (с ущербной для аристократов номенклатурой уездных канцелярских должностей), невозможность публикаций и дальних передвижений, профессиональная непригодность к работе в провинциальном захолустье оказались для них непреодолимыми препятствиями. Более того, для значительной части декабристов был в принципе неприемлем коммерческий успех, сама возможность так называемых «прибыльных занятий». Заметим, что декабристы не смогли вполне рационально использовать выделенные им казной земельные участки под городом Курганом¹. Вспоминая свои агрономические опыты, А. Е. Розен писал:

«...Земледелие доставляло мне много удовольствия, хотя мало прибыли». Данное высказывание приведено в работе Т. А. Бочановой. Оценивая хозяйственные успехи декабристов только положительно, исследовательница все же вынуждена признать: «А. Е. Розен в своей деятельности не преследовал какие-либо меркантильные цели» [Бочанова, 2007, с. 141]. По-нашему мнению, нельзя утверждать (что, к сожалению, повсеместно и делается) и о подлинно научном значении опытов декабристов. Остается единственный вывод: экономические мероприятия ссыльных дворян осуществлялись только для «удовольствия». Их значение практически не выходило за пределы личного увлечения.

Во многом отказавшись от ценностей своего сословия, декабристы не восприняли прагматические ценности рыночного общества. За небольшими исключениями, в ссылке они так и не смогли по-настоящему заняться ни государственной службой, ни другими профессиональными занятиями. По ряду параметров их ссылка была близка к пребыванию на покое щедрого и доброго барина, отошедшего от дел. Далеко не случайна реплика Николая Павловича на прошение ссыльного декабриста о покупке земли: «Розен хочет жить в Сибири помещиком». То, что не было вполне доступно А. Е. Розену, фактически осуществил М. М. Нарышкин. В его случае, видимо, сказались отдаленное родство с правящей династией и влиятельные родственники жены, урожденной Коновницыной.

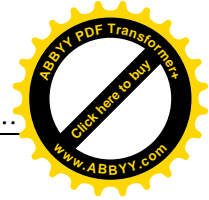
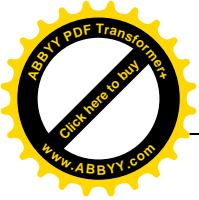
Отсутствие реальной работы и близких по духу, культуре и образу жизни соседей превращало декабристов в группу маргиналов, изолированную от провинциального социума. Однако социокультурное значение их ссылки несводимо только к активному непосредственному воздействию на провинцию. Оно, по сути, ничтожно. Напротив, результаты их проживания в Сибири были опосредованны и сказались много позднее. Они заложили традиции отчуждения социально активных индивидов от обыденной жизни и легальной политики на местах. Начиная с декабризма общественное сознание стало отказываться в праве на нормальность как верховной власти, так и провинциальным жителям. Теперь в провинции только революционеры могли претендовать на подлинность своего существования. Маргинальность декабристов в последующем органично переросла в маргинальность следующих поколений революционеров.

Примечания

¹ Государственный архив Курганской области (ГАКО) Ф. 245. Оп. 1. Д. 1943, 1944, 1982, 1983.

Библиографический список

- Балакишина О. Н. Воспоминания о декабристах в Сибири // В потомках ваше племя оживет...: Воспоминания о декабристах в Сибири. Иркутск, 1986.
- Басаргин Н. В. Воспоминания, рассказы, статьи. Иркутск, 1989.
- Бочанова Т. А. Декабристы в Западной Сибири: Научно-краеведческая и административно-хозяйственная деятельность. Новосибирск, 2007.
- Бриген А. Ф. Письма. Исторические сочинения. Иркутск, 1986.
- Васильева Е. Б. Образ декабриста в русской журнальной прессе во второй половине XIX – начале XX вв.: дис. ... канд. ист. наук. Омск, 2008.
- Венчание с Россией: Переписка великого князя Александра Николаевича с императором Николаем I. 1837 г. М., 1999.
- Декабристы: актуальные проблемы и новые подходы. М., 2008.
- Вигель Ф. Ф. История светской жизни императорской России. М., 2008.
- Из записок графа Дмитрия Николаевича Толстого // Рус. архив. 1885. №5.
- Житомирская С. В., Мироненко С. В. Из архива И. И. Пущина. Письма Н. В. Басаргина // Сибирь и декабристы. Иркутск, 1983. Вып. 3.
- Ретунский В. Ф. Врачебная деятельность декабристов в Западной Сибири // Сибирь и декабристы. Иркутск, 1978. Вып. 1.
- Ретунский В. Ф. Тайные курьеры декабристов // Сибирь и декабристы. Иркутск, 1983. Вып. 3.
- Розен А. Е. Записки декабриста. Иркутск, 1984.
- Созонович А. П. Заметки по поводу статьи К. М. Голодникова «Государственные и политические преступники в Ялуторовске и Кургане» // В потомках ваше племя оживет...: Воспоминания о декабристах в Сибири. Иркутск, 1986.
- Тальская О. С. Борьба администрации с влиянием декабристов в Западной Сибири // Ссылка и каторга в Сибири (XVIII – начало XX в). Новосибирск, 1975.
- Толстой Г. М. Поездка в Туринск в 1838 г. к декабристу Ивашеву // Рус. старина. 1890. №. 11.

Дата поступления рукописи в редакцию 02.03.2015

THE EXILED DECEMBRISTS AND PROVINCIAL POPULATION OF THE TRANS-URALS

M. F. Ershov

Ob-Ugric Institute of Applied Studies and Research, 628011, Khanty-Mansiysk, Mira st., 14A, Russia
mfershov@mail.ru

The paper discusses the forced long-term stay of the Decembrists in the places of exile in the Trans-Urals by analyzing their daily existence and the prevailing system of their values. The psychological portrait of a typical noble revolutionary, aristocrat, who even in the exile lived in the world of high aspirations, is presented. The author shows the collision of the Decembrists' moral ideals with the provincial routine. Primary exclusion of outsiders by local residents later on usually gave way to good neighborly and mutually beneficial relations. It did not mean however that local residents accepted the ideology of the Decembrists. In small provincial towns, the Decembrists still were outsiders, not appropriate and not properly understood by others. Their informal status in the places of exile was not consistent with their official legally powerless position. Exiled noble revolutionaries had influential relatives; they could apply to senior officials of the Russian Empire and, as a rule, were freed from productive labour. It is concluded that there were substantial intellectual and class differences that have prevented convergence between the Decembrists and the residents of the Trans-Urals. The previous national historiography largely exaggerated deprivation of noble revolutionaries and their impact on the development of local culture. The tragedy of noble revolutionaries appeared mostly not due to their physical suffering or challenging financial situation but because of long-term aimless existence in provincial wilderness.

Key words: Decembrist, everyday life, province, political exile, outsider, culture, fringe, town, Trans-Urals.

References

- Balakshina O. N.* Vospominaniya o dekabristakh v Sibiri // V potomkakh vashe plemya ozhivet...: Vospominaniya o dekabristakh v Sibiri. Irkutsk, 1986.
- Basargin N. V.* Vospominaniya, rasskazy, stat'i. Irkutsk, 1989.
- Bochanova T. A.* Dekabristy v Zapadnoy Sibiri: Nauchno-kraevedcheskaya i administrativno-khozyaystvennaya deyatel'nost'. Novosibirsk, 2007.
- Brigen A. F.* Pis'ma. Istoricheskie sochineniya. Irkutsk, 1986.
- Vasil'eva E. B.* Obraz dekabrista v russkoy zhurnal'noy presse vo vtoroy polovine XIX – nachale XX vv.: dis. ... kand. ist. nauk. Omsk, 2008.
- Venchanie s Rossiey: Perekopka velikogo knyazya Aleksandra Nikolaevicha s imperatorom Nikolaem I. 1837 g. M., 1999.
- Dekabristy: aktual'nye problemy i novye podkhody. M., 2008.
- Vigel' F. F.* Istoriya svetskoy zhizni imperatorskoy Rossii. M., 2008.
- Iz zapisok grafa Dmitriya Nikolaevicha Tolstogo // Rus. arkhiv. 1885. №5.
- Zhitomirskaya S. V., Mironenko S. V.* Iz arkhiva I. I. Pushchina. Pis'ma N. V. Basargina // Sibir' i dekabristy. Irkutsk, 1983. Vyp. 3.
- Retunskiy V. F.* Vrachebnaya deyatel'nost' dekabristov v Zapadnoy Sibiri // Sibir' i dekabristy. Irkutsk, 1978. Vyp. 1.
- Retunskiy V. F.* Taynye kur'ery dekabristov // Sibir' i dekabristy. Irkutsk, 1983. Vyp. 3.
- Rozen A. E.* Zapiski dekabrista. Irkutsk, 1984.
- Sozonovich A. P.* Zametki po povodu stat'i K. M. Golodnikova «Gosudarstvennye i politicheskie prestupniki v Yalutorovske i Kurgane» // V potomkakh vashe plemya ozhivet...: Vospominaniya o dekabristakh v Sibiri. Irkutsk, 1986.
- Tal'skaya O. S.* Bor'ba administratsii s vliyaniem dekabristov v Zapadnoy Sibiri // Ssylka i katorga v Sibiri (XVIII – nachalo XX v). Novosibirsk, 1975.
- Tolstoy G. M.* Poezdka v Turinsk v 1838 g. k dekabristu Ivashevu // Rus. starina. 1890. №. 11.